

ПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ НА АФРИКАНСКОМ КОНТИНЕНТЕ

ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В АФРИКЕ: ИСТОКИ И ТИПОЛОГИЯ Часть II

Н.Д. Косухин

Центр социологических и политологических исследований
Институт Африки РАН
ул. Спиридоновка, 30/1, Москва, Россия, 123001

В статье рассматриваются основные истоки этнополитических конфликтов и их типология на Африканском континенте.

Автор приходит к выводу, что природа африканских этнополитических конфликтов многообразна и определяется сложным комплексом факторов этнического, конфессионального, исторического, социально-экономического, цивилизационного характера.

Ключевые слова: власть, конфликт, ресурсы, трибализм, этнос, элиты.

Американские исследователи Б. Харфф и Т.Р. Герр отмечают, что существуют пять факторов, которые в совокупности делают вероятным геноцид и политцид (массовые политические убийства):

- 1) продолжает сохраняться глубокий раскол между этническими группами;
- 2) элиты, как известно из истории, прибегают к подавлению одной из них с целью сохранить власть;
- 3) элиты используют свою власть для дифференциального поощрения групп за лояльность;
- 4) общество недавно пережило политический переворот, например, революцию или поражение в войне;
- 5) появляются такого рода идеологии, которые выбирают те или иные группы в качестве мишени. Когда присутствуют все пять факторов, этнополитический конфликт может вылиться в геноцид [10. Р. 79].

Что касается классификации африканских этнополитических конфликтов, то анализ конкретных ситуаций свидетельствует, что просматривается следующая типология.

На первое место следует поставить конфликты, которые связаны с борьбой этнополитических элит за доминирование во власти, с доступом к материальным ресурсам в условиях катастрофической бедности и экономической деградации.

Ярким примером являются Руанда и Бурунди. Вооруженные столкновения между тутси и хуту доходили до откровенного геноцида.

Второй тип конфликта в значительной степени связан с политизацией религиозного фактора. Как правило, это проистекает с попыткой доминирующего этноса навязать свою религию всему населению страны. Нередко такие противоречия возникают между арабским и африканским населением. Наиболее характерным в этом отношении является ситуация в Судане.

Суданское центральное правительство стремилось арабизировать и распространить ислам на южные негроидные провинции страны. Большинство нилотов, даже приняв христианство или ислам, придерживается традиционных верований. «Исламизация» юга страны вызывает противодействие южносуданских этносов, что способствует сохранению военного противостояния. Гражданская война Севера с Югом началась в августе 1955 г. за несколько месяцев до обретения Суданом независимости и продолжалась с десятилетним перерывом (1972—1983 гг.) до января 2005 г.

16 января 2005 г. лидер Суданского народно-освободительного движения и главнокомандующий Суданской народно-освободительной армии Джон Гаранг и президент Судана Омар аль-Башир подписали в Каире соглашение. В нем были зафиксированы основополагающие принципы, предусматривающие формирование политической системы на основе демократического плюрализма, смена власти демократическим путем, обеспечение прав человека и политических свобод независимо от религиозной принадлежности, цвета кожи, языка, этнической принадлежности, пола. Провозглашалось господство власти закона на всех уровнях управления делами страны.

Дж. Гаранг был назначен первым вице-президентом Судана с большими полномочиями. Так, без согласия Дж. Гаранга суданский президент не мог объявить в стране чрезвычайное положение, назначать высших должностных лиц, закрыть или откладывать заседание суданского парламента и другие.

По каирскому соглашению предусматривается шестилетний переходный период, по истечении которого в 2011 г. на Юге должен пройти референдум по вопросу самоопределения Южного Судана. При этом Омар аль-Башир сохранил за собой и своей партией Национальный конгресс Судана положение правящей силы в стране, закрепив его в конституции переходного периода. Путь осуществления принятого соглашения нелегок и потребует взаимных уступок и компромиссов с обеих сторон.

К сожалению, начало этого пути было омрачено гибелью Дж. Гаранга 30 июля 2005 г. в результате катастрофы вертолета. Гибель Дж. Гаранга привела к кровопролитным столкновениям между южанами и северянами в крупных городах страны и вновь поставила Судан на грань возобновления гражданской войны. Суданскому руководству и новому первому вице-президенту Сальве Киру Майардату удалось предотвратить дальнейшее распространение кровопролитных столкновений.

Перед суданским правительством встала новая проблема, возникшая в западной части страны Дарфуре, где с февраля 2003 г. продолжается вооруженный кон-

фликт, унесший жизни 300 тыс. человек. Речь здесь идет не только о борьбе за земельные и водные ресурсы между скотоводами-земледельцами. Конфликт разгорелся сразу после того, как в Дарфуре были обнаружены колоссальные запасы нефти. Конкуренция за источники воды и пастбищ обострила противоречия и привела к созданию племенных союзов, направленных друг против друга. В итоге конфликт в Дарфуре оказался серьезно политизирован, привел к росту сепаратизма и военной конфронтации ряда крупных местных этносов с центральным правительством в Хартуме. При этом на стороне дарфурцев вмешалось освободительное движение Юга Судана, которое тогда вело вооруженную борьбу с правительством [9. С. 55].

Подписанное в апреле 2004 г. соглашение о прекращении огня не разрядило ситуацию. В августе спецпредставитель Генсека ООН по Судану Я. Пронк и министр иностранных дел Судана М.О. Исмаил подписали «План действий для Дарфура», содержащий обязательства Хартума по улучшению ситуации в сфере безопасности в провинции. Однако ситуация в Дарфуре по-прежнему остается сложной.

Как правило, этнополитический конфликт имеет множество измерений и его нельзя сводить только к одному фактору. В качестве примера можно привести ситуацию в Республике Кот-д'Ивуар. Эта страна на протяжении 40 лет после достижения независимости в 1960 г. имела репутацию политически и экономически стабильного государства в Африке. Уход из жизни бессменного президента на протяжении 33 лет Ф. Уфуэ-Буаньи способствовал возникновению военно-политического кризиса, который вылился в военный переворот в декабре 1999 г. В дальнейшем приход к власти военных во главе с генералом Р. Гейем и его поражение на президентских выборах 2000 г. послужило обострению политической ситуации.

Неудавшаяся попытка смещения законно избранного президента Л. Гбагбо в сентябре 2002 г. привело к вооруженному противостоянию повстанцев правительству. Вооруженные повстанцы установили контроль над северной частью страны.

В основе длительного военно-политического кризиса, который продолжается и до настоящего времени, лежит совокупность различных факторов этнического, религиозного, регионального и социально-экономического характера. Давняя традиция формирования правящей элиты из этноса бауле, проживающих на юге страны, по преимуществу христиан, постепенно вызывала недовольство северян-мусульман.

Долгое время это противостояние не выливалось в открытые формы и проявилось в условиях определенной активизации политической жизни, введением многопартийности, формированием легальной оппозиции. Этноконфессиональный фактор обострился в связи с проблемой дискриминации по отношению к многочисленным иммигрантам — выходцам из близлежащих стран, исповедующих главным образом ислам, составляющим основную массу сельскохозяйственных рабочих. Кроме того, большую роль в возникновении кризиса сыграло общее ухудшение экономического положения страны, падение жизненного уровня основной массы населения.

Нормализация обстановки в Кот-д'Ивуаре — сложный процесс: краткие периоды перемирия сменяются новыми вооруженными столкновениями правительственных войск с военными формированиями повстанцев, называющими себя «новыми силами». В урегулировании кризиса принимает активное участие Франция, ЭКОВАС, Африканский Союз, ООН.

4 июля 2003 г. правительством и руководством повстанческих сил было официально объявлено об окончании войны и восстановлении мира в Кот-д'Ивуаре. Общее положение в стране к этому времени было крайне тяжелым. Территория оставалась разделенной, на северной ее части сохранялся контроль повстанческих сил. Раздел страны на юг и север был опаснейшим фактором, порождавшим атмосферу неопределенности и нестабильности. Экономика находилась в катастрофическом состоянии. В ходе продолжавшегося несколько месяцев конфликта почти полмиллиона иностранцев вынуждены были покинуть страну, а число перемещенных лиц в ее пределах достигло 800 тыс. человек. Соблюдение соглашения о прекращении огня и безопасности гражданского населения обеспечивается 4-тысячным французским воинским контингентом и дислоцированными отрядами миротворческих сил ЭКОВАС численностью около 1200 человек. В стране находилась также группа наблюдателей ООН, направленная по решению Совета безопасности для содействия процессу разоружения и демобилизации участников воинских подразделений.

Решению этой задачи и восстановлению общей стабильности в стране объективно должно было содействовать соглашение, достигнутое в марте 2007 г. между президентом Л. Гбагбо и лидером повстанческих сил Т. Соро. По мирному соглашению премьер-министром стал Т. Соро и сформировано новое коалиционное правительство, достигнута договоренность о разоружении незаконно сформированных воинских подразделений обеих конфликтующих сторон и создании единой национальной армии, начат отвод миротворцев ООН и французского контингента из страны.

Третий тип конфликта непосредственно связан с распадом центральных государственных структур, в результате которых происходит вооруженная борьба между этническими кланами. Это наблюдается в Сомали, Сьерра-Леоне, Либерии, Демократической Республике Конго (ДРК).

В Сомали с 1988 г. идет непрекращающаяся вооруженная борьба клановых военно-политических группировок за центральную власть, которая привела к разрушению общенациональных государственных структур. Власть Переходного федерального правительства, созданного в 2004 г., номинальная, страна распалась примерно на 20 автономных районов, среди которых два квази-государства Сомалиленд и Пунтленд.

В условиях распада государства, всеобщего хаоса и насилия появились исламистские группировки, среди которых Союз исламских судов (СИС), который в 2006 г. сумел за короткий срок взять под контроль большую часть страны, кроме Сомалиленда и Пунтленда. Интервенция Эфиопии, начавшаяся в декабре 2006 г. при финансовой и военной поддержке США и приведшая к военному поражению СИС, не изменила ситуацию в стране.

Следует отметить, что развитию межклановой вооруженной борьбы способствует соперничество Эфиопии и Эритреи в Сомали, которые поддерживают враждующие клановые группировки. Попытки исламистских группировок предложить альтернативную модель общественного устройства, где клановая система и традиционные законы играют подчиненную роль по отношению к исламу, на определенном этапе обеспечивали общественную безопасность на подконтрольных им территориях. Жесткие меры в борьбе с бандитскими формированиями привлекли на сторону СИС значительную часть сомалийцев [4. С. 282—287]. Однако общесомалийского примирения не удалось достичь и после того, как в 2009 г. президентом страны стал умеренный исламист, бывший глава СИС шейх Шериф Шейх Ахмед, а парламент принял решение о введении в стране законов шариата.

Многочисленные попытки мирового сообщества урегулировать ситуацию в стране не увенчались успехом.

В 2008 г. в страну прибыли миротворцы Африканского союза (АС), однако их количество не в состоянии обеспечить мирный процесс в стране. Состоявшийся в сентябре 2009 г. (г. Триполи) специальный саммит АС принял решение увеличить численность миротворческих сил в Сомали с 5 до 8 тыс. человек.

Безвластие породило беспрецедентную в новейшей истории ситуацию появления пиратства у побережья Сомали и в северо-западной части Индийского океана, где пролегают многочисленные торговые маршруты. По некоторым данным, только в 2008 г. сомалийские пираты получили выкуп на общую сумму свыше 150 млн долл. Зафиксировано более 120 пиратских нападений, среди которых было захвачено 35 судов с 600 моряками и гражданскими лицами [7. С. 53]. АС призвал мировое сообщество провести международную конференцию по борьбе с пиратством у берегов Сомали.

Одним из самых напряженных и крупномасштабных конфликтов на Африканском континенте стал вооруженный конфликт в ДРК. С середины 90-х гг. прошлого века в этой стране за власть сражались девять повстанческих отрядов. Борьба за контроль над природными ресурсами привела к вмешательству в конфликт Анголы, Бурунди, Уганды, Руанды. В вооруженном конфликте переплелись различные составляющие, прежде всего борьба за власть между различными внутренними этнополитическими вооруженными группировками, а также борьба за природные ресурсы страны. Участие соседних африканских стран в этом конфликте осложнило и без того взрывоопасную ситуацию в стране.

Богатство сырья и других природных ресурсов страны стало ключевым мотивом соперничества великих держав, и прежде всего Франции и США. В этих условиях возникла угроза распада государства и развитие непредсказуемых событий. Таким образом, в вооруженном конфликте в ДРК отразились все причины и особенности этнополитических и экономических ситуаций в африканском регионе.

Вооруженный конфликт разворачивался на фоне экономической и политической деградации режима С.С. Мобуту. В стране происходил перманентный системный кризис: падение производства основных видов промышленной и сельско-

хозяйственной продукции, деградация инфраструктуры, гиперинфляция, инвестиционный голод, что породило и острейший социальный кризис, в частности, массовую незанятость трудоспособного населения. Возникло глубокое социальное расслоение общества.

На фоне абсолютного обнищания подавляющего большинства населения создавались баснословные состояния верхушки социальной пирамиды во главе с президентом-миллиардером. Распад государственной системы здравоохранения привел к эпидемиологическим заболеваниям, включая СПИД и болезнь Эбола. Постоянно деградировала система образования.

Социальный аспект занимал важнейшее место в распаде государства. В социально-экономической сфере низкому уровню профессиональной компетентности кадров, призванных разрабатывать и проводить рациональную политику, сопутствовали их способности по части расхищения национального достояния. В политическом поведении властвующей элиты корпоративная солидарность сочеталась с жесточайшей конкуренцией этнорегиональных группировок в борьбе за наиболее прибыльные позиции в административных и экономических структурах.

В 1997 г. президенту Мобуту бросил вызов всеми забытый партизанский лидер Л.-Д. Кабила, поддержанный отрядами тутси (баньямуленге) из восточных областей Конго, а также правительствами Руанды и Уганды.

В приход Кабилы к власти внесли свой вклад США. С середины 90-х гг. они активно искали замену президенту Мобуту среди общественных сил в Заире, на которые смогут опереться после его ухода. В налаживании контактов с Кабиллой самую активную роль сыграли проживавшие в США заирские эмигранты.

Роль ударной силы антимобутовского движения взяли на себя баньямуленге, заирские тутси, тесно связанные со своими соплеменниками в Руанде, Бурунди и Уганде. Для эффективной защиты своих прав им необходимы были объединение с местной оппозицией и местным руководителем. В этой ситуации Кабила смог быстро перейти из состояния полузабвения к активной деятельности: в октябре 1996 г. он стал пресс-атташе Альянса демократических сил за освобождение Конго/Заира (АДСОКЗ), основной политической повстанческой организации, а в январе 1997 г. стал его единственным лидером.

В октябре 1996 г. Л.-Д. Кабила вышел из подполья и со своими 1,5 тысячами вооруженных сторонников и несколькими отрядами, располагавшимися в соседних странах, присоединился к восставшим баньямуленге. Их поддержали введенные на территорию Заира подразделения армий Уганды и Руанды. Для свержения Мобуту и захвата власти Кабила воспользовался военной помощью Руанды, Уганды и Бурунди, прямой финансовой помощью США [3].

Однако режим Д. Кабилы просуществовал немногим более 3,5 лет. Президент Л.-Д. Кабила не смог обеспечить даже первых шагов по выводу страны из экономического и политического кризиса, облегчению жизни населения. Вопреки объективной необходимости и собственным обещаниям демократизировать управление страной он сразу же сосредоточил в своих руках всю власть. Его запоздалые

примиренческие жесты были отвергнуты оппозицией. Конго превратилось из государства в географическое пространство с обозначенными, но реально не существующими границами, с многочисленным, но бездействующим бюрократическим аппаратом. Многие регионы страны стали вотчинами местных элит, практически порвавших связи с центральной властью.

Помимо внутренних действовали внешние факторы, разрушившие «Четвертую республику». Часть из них оказалась следствием политики Л.-Д. Кабилы: ссора с недавними союзниками — президентами Руанды и Уганды, переросшая в августе 1998 г. в военный конфликт, осложнение отношений с Советом Безопасности ООН, фактическое прекращение межгосударственных отношений с США, пытавшихся диктовать Конго устраивавшую их внутреннюю политику [6. С. 205].

Ситуация изменилась после смерти Л.-Д. Кабилы. 16 января 2001 г. он был убит собственным телохранителем. В истории ДРК наступил новый этап — «Пятая республика».

Не без ведома властей США и Бельгии на должность президента был выдвинут Жозеф Кабила, сын Л.-Д. Кабилы, командующий сухопутными войсками ДРК. На чрезвычайном заседании кабинета министров, состоявшемся 17 января, Ж. Кабилу объявили главой государства, правительства, главнокомандующим. В официальном сообщении было сказано: «чтобы обеспечить преемственность государственности и безопасность граждан». Тогда же Верховный суд принял его присягу на верность конституции.

Ж. Кабиле удалось договориться с мятежниками, в начале апреля 2003 г. война формально завершилась, были объявлены первые с момента получения независимости в 1960 г. всеобщие выборы. В соответствии с мирными соглашениями из ДРК было выведено 15 тысяч иностранных военнослужащих. Подобного рода соглашения уже заключались в 1999 г. в Лусаке. Перемирие тогда продлилось очень недолго и закончилось новыми столкновениями, включая стычки между угандийскими и руандийскими миротворцами. Так что говорить о полной стабилизации в ДРК преждевременно.

Перед новым руководством ДРК встали сложные задачи по стабилизации положения в стране, раздираемой конфликтами и находящейся в глубоком экономическом кризисе. Нависла реальная угроза ее распада на отдельные части. Потребуется немало лет, чтобы в Конго стабилизировалось положение и страна сохранила себя в качестве крупного поставщика сырья на мировой рынок.

Развитие ситуации свидетельствует, что практически будет трудно искоренить плохое управление страной, коррупцию, массовое уклонение от уплаты налогов и таможенных пошлин. Наиболее сложным для нового президента останется решение задачи достижения мира, поскольку в стране сформировалось несколько центров власти в лице повстанческих группировок и территорий, контролируемых вооруженными силами соседних государств, выступающих против центральных властей. Кроме того, конфликт в ДРК тесно переплетается с очагами напряженности в Руанде, Бурунди, Уганде, Анголе, Судане. Каждый из них воздействует друг на друга, тесно взаимосвязан и должен фактически решаться в комплексе.

В результате внутреннего вооруженного конфликта и гражданской войны нависла угроза распада ДРК как минимум на три части. На территории, контролируемой соперничающими между собой группировками, ведется расхищение природных ресурсов [2].

Внутренний вооруженный конфликт в ДРК вновь показал, что вооруженные конфликты являются одной из наиболее сложных социально-политических проблем, интегрирующих в себе комплекс всех противоречий в африканском обществе. Межэтнические конфликты перерастают в гражданские войны и оказывают дестабилизирующее воздействие не только на Африканском континенте, но и в мире в целом.

Столкновение в ДРК привело к гибели 2,5 млн человек, около 1 млн были ранены. В стране появилось более 2 млн беженцев или перемещенных лиц. Считается, что общий экономический ущерб, нанесенный ДРК более чем за три года военных действий, составил 10 млрд долл. [1. С. 106].

Таким образом, межэтнический конфликт выступает в качестве многогранного явления; в нем в единый узел сплетаются самые различные по содержанию и характеру социальные связи, как материальные, так и духовные: экономические, политические, этнические, нравственные, религиозные, правовые.

Самой серьезной угрозой безопасности Африки по-прежнему являются межгосударственные и гражданские войны и конфликты, умножающие социально-политические и экономические проблемы, порождающие потоки беженцев, голод и эпидемии. Хотя международные организации, прежде всего ООН, часто упрекают в неспособности контролировать безопасность в Африке, опыт последнего десятилетия свидетельствует о потенциальных возможностях этой организации и объективной необходимости ее участия в урегулировании вооруженных конфликтов. В 90-е гг. выросла и роль ОАЕ как участницы миротворческой деятельности на континенте. Перспективы в сфере миротворчества открывает создание Африканского Союза (АС), деятельность которого предусматривает право на вмешательство в кризисные ситуации на континенте.

Годы независимого развития отмечены поисками новых подходов к решению этнонационального развития Африки, хотя теория «нации-государства» продолжает оставаться господствующей моделью национально-государственного развития. Вместе с тем в реальной политической практике вместо тенденции к национально-этнической консолидации развивалась тенденция этнического обособления. Больше того, к 90-м гг. прошлого века усилились процессы деэтнизации, рост этнополитических конфликтов и даже распад государств в Западной Африке, в районах Африканского Рога и Великих озер.

Неолиберальная модель глобализации, в основе которой структурная перестройка в экономике и политическая модернизация, нанесли серьезный удар стабильности и управляемости большинства государств Тропической Африки, дискредитировали концепцию «государства-нации».

Известный африканский политический деятель Жан Пинг так оценивает эту ситуацию: «от нашего континента требуют немедленно начать демонтаж суверен-

ного государства-нации, в ускоренном темпе установить нормы абсолютной демократии под угрозой губительных санкций. Результат: Африка в огне и крови, она — зона нестабильности, террора; ее подтачивают микронационализм и анархия. Континент, подчиняясь произволу великих держав, стал несчастным подопытным кроликом, ареной вынужденного экспериментирования — опробования всех мод и течений» [8. С. 147—148].

Ряд исследователей уже в конце 80-х гг. высказывали большие сомнения по поводу проекта «государства-нации» и обратили внимание на создание демократического полиэтнического государства, федеративного по форме, базирующегося на принципе территориального самоопределения этнокультурных групп. При этом отмечали опыт федеративного устройства Эфиопии и ЮАР.

Ряд отечественных исследователей высказывают мнение о необходимости формирования определенной модели политического сосуществования этнических и конфессиональных групп в рамках общего государства, определения норм и принципов отношений между этническими и конфессиональными группами внутри государства, поиска моделей существования устойчивых форм политических институтов, которые не оспаривались бы или подвергались сомнению различными этническими и конфессиональными группировками в его составе, достижения баланса в политической власти, учета специфики этнических и конфессиональных интересов в публичной политике государства [5. С. 7].

Надо признать, что африканская политическая и интеллектуальная элита не смогла выработать и реализовать эффективную стратегию этнонационального развития, которая обеспечила бы равновесие между государственным и национальным строительством для подлинного равноправия и участия всех этносов. Хотя попытки в этом направлении делаются в отдельных странах, но не всегда успешно.

Анализ рассматриваемой проблемы позволяет прийти к выводу о том, что существует модель типичного африканского этнополитического конфликта, которой свойственны общие черты: 1) кризис государственности, коррумпированность власти, высокая степень ее милитаризации и, в ряде случаев, распад государства; 2) наличие множества участников, каждый из которых имеет собственную экономическую, политическую, психологическую и иную мотивацию своего конфликтного поведения; 3) втягивание соседних стран или, по меньшей мере, воздействие на ситуацию в соседних странах и регионе в целом; 4) жесткая тактика поведения противоборствующих сил, включающая массовые убийства, геноцид, этнические чистки.

Обилие конфликтов, перетекание их из страны в страну, трансграничные потоки беженцев, усложняющие социально-экономическую ситуацию в регионе, крайняя нищета и голод в большинстве стран, заставляющие молодежь вступать в отряды вооруженных бойцов и сражаться за чуждые им идеалы; насилие, порождающее ответное насилие, — все эти факторы мешают нормализации ситуации в сфере африканской безопасности.

Конфликты в Африке вызывают огромные разрушительные последствия, наносят непоправимый ущерб не только в материальной сфере. Не менее масштабно

их влияние на духовную жизнь африканского общества. Со времени разворачивания национально-освободительных движений, постколониального развития на континенте выросло не одно поколение, формировавшееся в условиях длительного воздействия на характер и облик человека, его психологию перманентного пребывания общества в состоянии войны, утверждения у людей в подобных условиях таких качеств, как насилие, ненависть, агрессивность, стремление к подавлению несогласных, устойчивое неприятие духа согласия, отсутствие обязательности в бытовых и общественных отношениях и т.п.

Значительная часть населения континента живет в атмосфере страха за свою жизнь и существование, с травмированной психикой и изыскивает возможности для выживания, определенного самосохранения. Стало обыденным и привычным, когда основная часть материальных и человеческих ресурсов страны расходуется на цели разрушения, задействована не на развитие и создание основных благ, а на их истощение.

В итоге в африканском обществе сформировался специфический стереотип образа жизни: средством существования и обитания является военная сфера деятельности, участие в вооруженных акциях, различного рода войнах и конфликтах. Насилие становится органической, составной частью человеческого бытия, коверкая и извращая таким образом представления людей о нормальной, стабильной человеческой жизни, созидательном характере их деятельности, о возможностях пребывания в атмосфере новых, взаимно уважительных отношений друг с другом, с иным этносом, с соседним государством. В конечном итоге психологический фактор является одной из причин возникновения и сложностей урегулирования конфликтов.

В связи с процессом глобализации и интернационализации экономической, политической и культурной сфер жизни все большее распространение приобретает такая форма конфликтов, как интернационализированные. Расползанию конфликта по региону, перерастанию его в международный могут способствовать создание баз мятежников на территории соседних стран, крупномасштабные потоки беженцев и миграции, сопровождающиеся перемещением вооруженных бойцов оппозиционных сил, торговля оружием.

Совокупность факторов, способствующих возникновению и эскалации конфликтных ситуаций, присутствует едва ли не в каждом африканском конфликте, при анализе которого обнаруживаются этнические, конфессиональные и экономические корни, борьба за ресурсы, за власть между представителями разных социальных групп, в том числе по принципу этнической, политической, конфессиональной или иной принадлежности. По своей интенсивности конфликты в Африке могут варьироваться от серийных террористических актов, партизанской войны до гражданской войны или геноцида. Участниками конфликта могут быть правительственные структуры, оппозиционные силы, группы мятежников, криминальные группировки. Большинство африканских конфликтов носит затяжной характер, и их урегулирование на том или ином этапе не означает, что проблема решена и конфликт не вспыхнет вновь. Отличительная черта большинства конфликтов на континенте — обилие жертв, потоки беженцев, насилие во всех возможных формах.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Васильев А.М.* Африка — падчерица глобализации. — М., 2003.
- [2] *Винокуров Ю.Н.* Великая африканская война 1998—2002 гг. (Истоки и некоторые последствия) // Проблемы социально-политических и культурных трансформаций африканских обществ в современной отечественной африканистике. — М., 2007.
- [3] *Винокуров Ю.Н.* Демократическая Республика Конго: власть и оппозиция. — М., 2003.
- [4] *Коновалов И.П.* Исламский фактор в гражданской войне в Сомали // Африка и исламский мир в XXI веке. — М., 2010.
- [5] Конфликты на Востоке. Этнические и конфессиональные. — М., 2008.
- [6] *Косухин Н.Д.* Африка: поиски обновления. Динамика политических изменений в конце XX — начале XXI вв. — М., 2007.
- [7] Международные аспекты конфликтных ситуаций в Африке. — Выпуск № 15. — Июнь 2009.
- [8] *Пинг Ж.* Глобализация, мир, демократия и развитие в Африке. Опыт Габона. — М., 2004.
- [9] *Шол Денг А.* Дарфурский кризис: проблемы и возможные решения // Азия и Африка сегодня. — 2007. — № 8.
- [10] *Hartff B., Gurr T.R.* A Framework for Analysis of Ethnopolitical Mobilization and Conflict // Ethnic Conflict in World Politics. — USA: Westview Press, 1994.

ETHNOPOLITICAL CONFLICTS IN AFRICA: SOURCES AND TYPES Part II

N.D. Kosukhin

Center for Sociological and Politological Science
Institute for African Studies
Spiridonovka str., 30/1, Moscow, Russia, 103000

The article analyses main sources and types of ethnopolitical conflicts in Africa. The author came to the conclusion that the nature of African conflicts is varied and defined by complicated complex of ethnic, confessional, socio-economic factors.

Key words: power, conflict, resources, tribalism, ethnos, elites.